

О.Б. БОЖКОВ

ПОНЯТИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ПРАКТИК: К УТОЧНЕНИЮ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО СМЫСЛА

Аннотация. Эссе посвящено рассмотрению содержания и эвристического потенциала понятий «повседневность» и «практика» в языке социологии. С этой целью проанализирован интерес к повседневности в исторической науке, культурологии, философии. Рассматривается соотношение с понятием «повседневность» социологических понятий «образ жизни», «стиль жизни» и др. Детальному анализу понятия «практика (практики)» посвящен отдельный раздел эссе. Полемика с авторами книги «Теория практик», а также Мишелем де Серто («Изобретение повседневности. Искусство делать») способствует прояснению связи между двумя анализируемыми понятиями.

В заключении автор делает вывод о безусловной актуальности изучения рассматриваемых социальных феноменов и описывающих их понятий «повседневность» и «практика», а также о релевантности применения с этой целью не только качественных, но и количественных подходов. Констатируется необходимость ввести эти понятия в социологический оборот в качестве научных терминов, обладающих категориальным содержанием.

Ключевые слова: повседневность, новые формы поведения, рутина, практика (практики), понятие, слово, теоретический анализ, языки науки.

Эта статья — реакция на разноречивость в использовании понятий в научных публикациях последнего времени, а также на все большее проникновение в социологический дискурс идей постмодернизма. С моей точки зрения, подавляющее большинство исследований, посвященных различным аспектам повседневности и практик, строятся на постмодернистских посылах. А именно, на чрезмерном внимании к частностям, конкретике; на подчеркнутом интересе к отдельному человеку (человеку «с улицы»), который якобы ежедневно *творит и*

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник, Социологический институт РАН. Адрес: 191014, СПб, Сапёрный пер., д. 13, кв. 28. Телефон: +7 (921) 946-99-75. Электронная почта: olegbozh@gmail.com

конструирует реальность, в том числе и общество); наконец, на недоверии к универсалиям и научным категориям.

Почему именно эти понятия, или лучше сказать концепты, оказались в центре внимания? Во многих социологических (и не только) текстах «повседневность» и «практики» прописались, похоже, очень прочно. Социологи также охотно фиксируют и с помощью case study описывают *новые* формы поведения. Хотя многое из этого «нового» живет не дольше падающей капли. В связи с этим, в частности, представляется важным уточнить, что мы будем понимать, говоря о новых формах поведения, которые появляются отнюдь не по произвольной прихоти людей и приводят подчас к серьезным социально-культурным изменениям.

Повседневность

Слово «повседневность» вошло в научный оборот примерно в середине, может быть, в конце последней четверти XIX века и стало активно употребляться в первой трети века XX-го. Представляется небесполезным посмотреть, каким содержанием оно нагружалось в разных дисциплинах.

История без прикрас

Предмет истории, начиная от Геродота и практически до наших дней, это — события и герои. Причем героями истории долгое время являлись почти исключительно цари, короли, их вельможи, а также предводители бунтов и восстаний и просто злодеи. Конечно, в число героев попадали и действительно выдающиеся личности: военачальники и полководцы, путешественники, открыватели новых земель, ученые, изобретатели, поэты, художники, но только не простые люди.

Основатели школы «Анналов (Марк Блок, Люсьен Февр и др.) переосмыслили сам предмет исторической науки, существенно расширив список героев. Так, М. Блок считал, что история — это наука о «людях во времени», Фернан Бродель — представитель второго поколения школы Анналов, — вовсе не противореча такому определению предмета истории, сосредоточил внимание на *условиях жизни* людей. Прежде всего географических, климатических, демографических и экономических. Одна из его работ «Динамика капитализма» содержит подзаголовок: «Переосмысливая материальную и экономическую жизнь» [4].

Вот как Бродель обосновывал свой подход к изучению истории: «Я решил начать с инертных структур, чья история, на первый взгляд, темна и недоступна для ясного осознания людьми, являющимися в мире этих стихий скорее объектами, нежели субъектами действий. <...> Те слова, которыми приходится пользоваться: повседневность, структуры, глубина — сами по себе достаточно расплывчаты» [4, с. 12]. И, наконец, Бродель резонно замечает: «Было бы важно обозначить границу между светом и тенью, между рутинной и сознательным решением» [4, с. 22]. Это соображение представляется принципиально важным, и мы еще не раз вернемся к нему.

Вернемся, хотя бы потому, что современные апологеты «историко-антропологического поворота» и феноменологического подхода, желая сказать «новое слово», регулярно искажают смысл того, что было сделано основателями (классиками) этих подходов. В частности, украинские авторы И. Ворончук и Ю. Чубик, говоря об «историко-антропологическом повороте», в центр внимания истории повседневности ставят «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира. <...> Содержание этого поворота заключается в том, что главным объектом изучения истории становится человек во всем многообразии его жизненных проявлений» [6].

Здесь целый ряд, мягко говоря, неточностей. Во-первых, если говорить об исторической науке, то она, в силу разных причин (в основном — объективного характера), сильно ограничена в возможности исследования «поведения и эмоциональных реакций (людей) на события». Во-вторых, повседневность, как отмечают почти все, кто занимается изучением этого феномена, конечно, имеет «субъективную значимость» для людей, но, как правило, не рефлексивируется ими. Как можно рефлексировать и интерпретировать то, что не замечается, что воспринимается как само собой разумеющееся. И, наконец, «историко-антропологический поворот» начался отнюдь не в конце 60-х годов XX века, а гораздо раньше¹.

В целом, включение в поле истории не только «героев», но и простых людей, составляющих большинство населения во все времена, безусловно, обогатило историческую науку. Когда читаешь работы представителей школы Анналов, поражает не столько их историческая эрудиция, сколько присущее им социологическое воображение и глубокое понимание природы общества. Это проявляется прежде всего в том, что основатели историко-антропологического поворота, анализируя условия жизни прошлого, занимались *реконструкцией картины повседневной жизни* людей тех давних эпох.

От этнографии к культурологии и далее.

Восхождение к философским обобщениям

Собственно говоря, изучением быта разных народов издавна занималась и этнография, которая долгое время, как и история, числилась по разряду описательных наук. Сегодня этнографические данные и методы, а заодно и этнометодологическая идеология, получили очень широкое распространение, они применяются в социологии, культурной антропологии и культурологии.

«Социология повседневности, — пишет, например, В.Д. Лелеко, — тематическое определение группы проблем повседневной жизни, которые

¹ Впрочем, утверждение о начале историко-антропологического поворота в конце 1960-х гг. встречается и у других авторов (В.Д. Лелеко, Н.Л. Пушкарева и др.).

ставятся и исследуются в рамках нескольких взаимосвязанных направлений социологии XX в., а именно: символического интеракционизма, феноменологической социологии и этнометодологии» [12, с. 16]. Замечу, именно феноменология и этнометодология, которые Лелеко ставит в центр своего внимания, особенно популярны у культурологов.

Но вот что интересно, в их публикациях, как правило, встречаются не только одни и те же имена (Шюц, Фуко, Делез, Бодрийяр, Деррида, Лиотар, непременно также Бергер и Луман и т. д.), но и одни и те же цитаты. Читать эти перепевы и «интерпретации», а точнее — пересказы идей «классиков» — подчас просто скучно. Но самое удивительное в том, что в интерпретациях современников смысл, сказанного классиками либо преподносится однобоко (так как понял интерпретатор), либо искажается до полной неузнаваемости.

Например, почти нормой стало небрежное словоупотребление. Так, В.Д. Лелеко, рассматривая структуру повседневности, вводит понятие «событийный ряд повседневности» [12, с. 108].

Вообще-то под «событием» принято понимать такие ситуации и обстоятельства, которые приводят что-либо к новому состоянию². Событие — это то, что нарушает рутину, что приводит к изменению что требует либо адаптации, либо рефлексии для решения неизвестной ранее задачи. В контексте данного автора «событийный ряд» означает всего лишь последовательность типичных, стереотипных действий — определенную и уже освоенную «технологию». Впрочем, чувствуя, что здесь что-то не так, В.Д. Лелеко вынужден ввести еще одно понятие — «внешний событийный контекст повседневности». Этот внешний контекст, по его мнению, «*всегда* [курсив мой. — О.Б.] (потенциально и актуально) агрессивен, чреват разрушительными для повседневности чрезвычайными ситуациями, природными и социальными катаклизмами: войной, грабежом голодом, болезнями, безработицей, землетрясениями и т. д.» [12, с. 113].

Уже во введении В. Лелеко пишет: «Разнообразие научных подходов к повседневности и многообразие собранных разными научными дисциплинами фактов вызывают к обобщению, которое возможно сегодня как философско-культурологическое». [12, с. 6]. Однако, построив ряд простых классификаций, в частности уровней пространства и времени, границ повседневности, её масштаба (в том числе и масштаба субъектов повседневности) и т. п., до «высокого философского уровня обобщения» автор так и не дошел.

Если говорить о философских обобщениях применительно к рассматриваемому понятию, то нельзя обойти вниманием фундаментальный труд И.Т. Касавина и С.П. Щавелева «Анализ повседневности». В

² В компьютерных технологиях событием является нажатие любой клавиши (или иначе, любая команда, введенная с терминала), включающее тот или иной алгоритм компьютерной программы.

самом начале книги авторы выделяют два подхода к анализу повседневности: онтологический и психолого-эпистемологический. В рамках онтологического подхода неотъемлемые признаки повседневности «образуют тот или иной образ повседневной жизни, стиль обыденного поведения или же просто быт представителя **той или иной социальной общности**» [курсив авторов, а полужирным выделено мной. — О.Б.].

В рамках психолого-эпистемологического подхода к определению повседневности отражаются субъективные измерения, по сути, тех же самых её отличительных характеристик. <...> Средоточием указанных в рамках второго подхода сторон повседневности выступает то самое обыденное сознание, о котором здесь, собственно, и ведётся речь» [10, с. 9]. На эту последнюю фразу стоит обратить внимание, ибо далее по преимуществу речь идет действительно об обыденном сознании, а точнее — об обыденном знании и его отличии от знания не обыденного. На мой взгляд, здесь происходит «переход» к совершенно иной проблеме, тема повседневности просто удаляется на второй (третий, четвертый) план.

Ссылаясь на М. Бахтина, авторы приводят четкие различия между этими видами знания. В частности, «объект (обыденного знания) не идеализирован наукой и не типизирован искусством или религией. Объект бытовой практики реален и лишь отчасти подконтролен субъекту мысли и действия. Теоретическое сознание выделяет главное, необходимое, общее. Обыденное существование требует восприятия целого с его второстепенными, случайными, единичными чертами» [10, с. 19].

Конечно, о повседневности можно говорить, имея в виду человека бодрствующего, когда он находится в сознании: видит окружающий мир, слышит его, ощущает то, что берет в руки³. Однако при выполнении повседневных дел, находясь в сознании, он почти все основные действия осуществляет в каком-то смысле автоматически, здесь отсутствует рациональное обобщение, рефлексия. Повседневность не требует, более того, как справедливо утверждают И. Касавин и С. Щавелев, «всячески противится определяющей деятельности рассудка».

А вот «событие» требует *определения* ситуации, и тем самым — непременно включения рассудка. Событие — это не просто «внеповседневность», оно нарушает (или разрушает) привычную рутину повседневности.

Безусловно, можно согласиться с тем, что даже в самом что ни на есть творческом занятии присутствуют рутинные элементы, которые можно отнести к повседневности, и тем не менее это не дает основания для приписывания повседневности познавательного и инновационного начала и — тем более — такого свойства, как «конструирование

⁴ Правда, некоторые авторы и сновидения рассматривают как элемент повседневности

реальности». В этом пункте можно согласиться с С.А. Королевым, который утверждает: «...мир — результат человеческой деятельности, но конкретный субъект к ней имеет мало отношений, это не его субъективная деятельность. Кумулятивный результат этой деятельности не имеет ничего общего с намерениями субъекта, зачастую ужасает его и делает несчастным. <...> Иными словами, мир не творится индивидуальными субъектами в их повседневной жизни, как полагают Бергер и Лукман» [11]. Такой же позиции придерживается и С. Смирнов» [14, с. 5].

При чтении безусловно интересной книги И. Касавина и С. Щавелева не покидает ощущение, что все это, хотя и содержит ряд ценных и точных наблюдений, но немного не о том. По-видимому, философский анализ уж слишком обобщен, чтобы его можно было применить к социологическим эмпирическим студиям.

И какова же была моя радость, когда я нашел единомышленника в лице профессора Томского университета Василия Николаевича Сырова, который сформулировал тезис о том, что «ее (повседневности) плодотворное изучение, в первую очередь, возможно лишь при последовательном освобождении от философского наследия». Не буду повторять аргументацию этого тезиса автором. Но наши взгляды сошлись в основных позициях относительно повседневности. Во-первых, в том, что «повседневность, не следует смешивать ни с характером познания, ни с характером социального взаимодействия как такового, даже если в ней располагаются истоки этих процессов» [17, с. 147]. Во-вторых, в том, что «в отношении структуры подобного рода затруднительно говорить о субъекте повседневности. Это означает, что ее структурные составляющие не обязательно должны осознаваться индивидами или *целенаправленно* производиться ими [курсив мой. — О.Б.].» [17, с. 151]. Автор обращает внимание на существенное свойство повседневности — ее неотвратимость: «Образно говоря, такая повседневность как структурный компонент человеческого опыта, есть то, от чего нельзя уйти никому. Ей можно оказать сопротивление, ее можно ограничить, но не уйти полностью» [17, с. 151].

В.Н. Сыров выделяет два критерия, непременно присутствующие в повседневности: наглядность и полезность, прагматичность. По его мнению, наглядностью достигается понятность окружающего мира, но не познавательный интерес. Действительно, «только там, где объекты окружающего мира начинают поворачиваться самыми разными гранями, а значит выходить за пределы наглядности, возникает потребность в истине, объективности как особых способах их измерения. <...> А, кроме того, связь и доминирование тех или иных форм освоения мира с типами активности (преобразовательной или адаптивной) позволяет избавиться от трактовки повседневности в рамках высшего и низшего, глубинного и поверхностного» [17, с. 156].

Перечисленные выше позиции вполне соответствуют социологическому видению, и открывают перспективу эмпирического исследования проблемы повседневности и её роли и места в современной культуре.

Повседневность с позиций социологии

Конечно, в многочисленных определениях повседневности имеются разногласия, порой — принципиальные. Однако почти все авторы сходятся в том, что это понятие описывает то, что происходит с нами каждый день, более или менее регулярно, хотя и повторяется с разной периодичностью. Но для таких регулярно повторяющихся действий и обстоятельств есть и другие обозначения — рутина, будничность, обыденность и т. п. Наряду с названными здесь уместно употребить и такие понятия, как «стереотип» или «шаблон». Все эти слова можно воспринимать как синонимы, но при разных эмоциональных оттенках все они обозначают такие действия (если иметь в виду именно и только действия), которые выполняются повседневно, без сколько-нибудь серьезной рефлексии.

Периодичность и продолжительность каждого рутинного действия задается как свойствами самого действия, так и свойствами людей, которые нас окружают и которые в этом действии участвуют, но (в еще большей степени) — свойствами вещей, которые мы при этом используем. Здесь необходимо подчеркнуть, что рутина (повседневность) — это не только собственно действия, но и стабильная (привычная, обыденная) обстановка, в которой эти действия совершаются. Это важно.

С точки зрения социологии как науки об обществе, важно и другое — повседневность «принадлежит» не каждому из нас в отдельности, но и тем людям, которые нас окружают, с которыми вместе мы проживаем эту повседневность. Иначе, она *не индивидуальна*⁴, но интересна субъективна, пронизана культурными нормами, и уже в силу этого обстоятельства, и коллективна, и публична. Вот откуда берутся «привычные общеизвестные ситуации на базе самоочевидных ожиданий». Но обычно останавливаются на привычности и общеизвестности, не задавая простой вопрос, а почему ожидания «самоочевидны»? Да потому, что обыденность (читай повседневность) не просто пронизана культурными нормами, она «скована» ими, накрепко «вписана» в культуру, — она *не требует размышлений*.

На вписанности повседневности в культуру стоит остановиться подробнее. Повседневность — культура в ее «сухом осадке».

Именно об этом пишет Г. Блумер, рассуждая об условиях возникновения спонтанного и элементарного коллективного поведения: «Там, где групповая жизнь удовлетворительно поддерживается в согласии с правилами или культурными установлениями, очевидно, нет никакого повода для возникновения каких-либо новых форм коллективного поведения. Желания, потребности и предрасположения людей удовлетворяются посредством *обычной культурной деятельности* [курсив мой. — О.Б.] их групп. В случае же какого-либо нарушения

⁵ Вспомним тезис В.Н. Сырова: «В отношении структуры подобного рода затруднительно говорить о субъекте повседневности» [17, с. 151].

установленных образцов действия или появления каких-то новых предрасположений, которые не могут быть удовлетворены существующими культурными установлениями, возникновение элементарного коллективного поведения вполне вероятно» [3].

Таким образом, повседневность — это *нормальное, привычное*, ничем не нарушенное состояние и окружающей действительности, и, соответственно, поведения людей. Хотя повседневность обычно не фиксируется нашим сознанием, её начинаешь замечать, когда сталкиваешься с другими культурами⁵.

Повседневность и образ жизни

Многие, пишущие о повседневности, фиксируют еще одно существенное (прежде всего для социологического анализа) свойство повседневности — ее многообразие. Оно проявляется в четко различающихся укладах жизни многочисленных, вполне определенных групп. Внутри любого уклада можно выделить разные его стороны: бытовую, трудовую, досуговую и т. п. В этом отношении более точными и более удачными для описания повседневности во всем её многообразии представляются понятия «образ жизни» и «стиль жизни».

К сожалению, эти понятия в советское время были сильно ангажированы идеологией и «работали» в большей мере на нее, а не на познание общества. Речь шла преимущественно о противопоставлении советского и западного (чаще всего американского) образа жизни.

⁵ Две зарисовки «с натуры».

В комплекте Хонды моего сына есть большая автомобильная пепельница. Недавно мы вместе поехали в Финляндию. И как только мы въехали в эту страну, пепельница пошла в ход. Почему? Любопытствующий мимо финн, заметив летящий из машины окурок, тут же почти обязательно позвонит в полицию, и водителя, выбросившего окурок, оштрафуют на приличную сумму. Когда мы пересекли границу Финляндии и оказались на территории России, эта пепельница больше не понадобилась — здесь другая повседневность, то есть другая общепринятая культура поведения. Вероятно, именно поэтому у нас леса горели и горят. У финнов тоже случаются лесные пожары, но гораздо реже и по другим причинам.

Еще один финский эпизод. К моим знакомым в кемпинге подошел крепко выпивший финн с банкой пива в руке; поскольку кроме финского он не знал никаких языков, да и с дикцией в состоянии подпития было не все хорошо, общения не получилось. Тем временем он допил свое пиво, попытался встать и тянул руку к пустой банке, которую поставил на стол. Когда ему удалось дотянуться до неё, он, наконец, направился дальше, но не туда, откуда пришел, а... к мусорным бачкам, и положил пустую банку именно в тот бачок, который предназначен для банок. И только затем, с трудом отделившись от бачка, пошел к выходу, что называется «на автомате».

Чем не живые примеры, подтверждающие, что повседневность — это и есть повседневная культура в её «сухом осадке»? Иначе: какая культура — такая и повседневность, и наоборот, какая повседневность — такая и культура.

Действительно, образ (равно как и стиль) жизни — явления устойчивые, основанные на том, что стало привычным, что «принято» в данном кругу, что хорошо освоено и что является отличительной — и прежде всего культурной — характеристикой именно данного слоя, данной группы.

Два примера из недавнего прошлого. В 1974 году под руководством А.Н. Алексеева было проведено масштабное исследование образа жизни ленинградцев, получившее название «100 вопросов о Вашей жизни»⁶. Концептуальная схема этого проекта была прозрачна и проста. Авторы полагали, во-первых, что ядро образа жизни составляют три элемента: условия, в которых протекает жизнь; поведение (деятельность), осуществимое в этих условиях; и, наконец, отношение (оценка) как к наличным условиям, так и к поведению (деятельности). Во-вторых, в самой жизни человека выделяются стабильные (рутинные) периоды и события. Событием может быть изменение условий жизни (например смена жизненного цикла); изменение поведения в результате неудовлетворенности либо жизненными условиями, либо собственной деятельностью. Любое событие требует определенной адаптации, приспособления к изменившимся условиям, то есть выработки адекватной линии поведения, которая затем, в свою очередь, становится рутинной (сегодня и я бы сказал — повседневностью). В эту модель был «встроен» и активный элемент — проект. Каждая жизненная ситуация рассматривалась как результат реализации одного проекта и как основание (база) для проекта следующего. Таким образом, может показаться, что проблематика образа жизни существенно шире и богаче проблематики повседневности: в ней, кроме собственно обыденности (рутины), есть место и для динамики, и для изменений⁷.

⁶ Эмпирическое обследование основывалось на многоступенчатой выборке. На первом шаге были отобраны три типичных района, репрезентирующие все типы жилого фонда (за исключением общежитий); на втором шаге были выбраны магистрали, пересекающие эти районы от старой застройки к «спальным» зонам; третий шаг — определение «шага» отбора домов на этих магистралях (в каждом районе величина шага определялась в зависимости от плотности жилых строений); четвертый шаг — выбор квартир таким образом, чтобы для любого дома были представлены все имеющиеся в нем типы квартир; наконец, пятый шаг — выбор респондента: для отдельных квартир — любой взрослый член семьи, для коммунальных — жильцы ближайшей ко входу комнаты. Всего в трех районах (Василеостровский, Выборгский и Смольнинский — ныне часть Центрального района) были опрошены представители 501 семьи. Контрольные параметры выборки: представленность всех типов жилья и всех типов семей.

⁷ Впрочем, как показали исследования В.С. Магуна в те же 70-е гг. прошлого века, о проектах (или жизненных планах) более или менее внятно отвечали не более 10–12% респондентов, а долгосрочные личные планы и тогда, и сейчас — большая редкость: они не вписываются в повседневность.

При разработке методического инструментария этого исследования внимание сознательно акцентировалось на констатации *фактов* — как условий жизни, так и деятельности человека в этих условиях. Отношение же к тому и другому фиксировалось с помощью простых оценочных шкал. Так же сознательно авторы проекта уклонились от описания и изучения отношения респондентов к тем или иным ценностям и нормам⁸.

Интересны и некоторые результаты этого проекта. В частности, было установлено, что не только образ жизни разных слоев (групп, страт), но и рутинные его фазы (то, что можно назвать собственно повседневностью) существенно различаются. У одних групп эти фазы «затяжные» (длинные), у других подчиняются довольно строгому ритму; у третьих — «рваный», нерегулярный ритм смены рутинных фаз; а у четвертых эти периоды часто сменяются и характеризуются относительной непродолжительностью.

Гирт Хофстеде: конфликты повседневностей

В связи с повседневностью стоит упомянуть еще один социологический сюжет. Голландский социолог Гирт Хофстеде в начале или середине 70-х гг. XX века выиграл тендер, объявленный фирмой IBM⁹.

Хофстеде предложил стройную и внятную концепцию функционирования повседневной культуры. Культура II (в отличие от Культуры I, представляющей, как правило, высшие достижения), по мнению Хофстеде, основывается на многочисленных аспектах и формах «программирования» человеческого сознания. Он не изобретал «свой велосипед»: взяв за основу концепцию ценностей Алекса Инкельса и Даниэля Левенсона, Хофстеде выделил четыре инвариантных ценности (феминность – маскулинность, коллективизм – индивидуализм, дистанция власти и избегание неопределенности), которые присутствуют в любом обществе, но в каждом из них воспринимаются по-разному. Автор задался целью проследить, как эти ценности работают

⁸ Многие наработки как методологического, так и чисто методического плана, реализованные в этом проекте, на мой взгляд, остаются актуальными и ныне. Очень жаль, что сегодня они выпали из научного обращения.

¹⁰ В предшествующие годы фирма проводила суперактивную экспансионистскую политику. К строительству, оснащению и запуску новых заводов в разных странах мира фирма в основном приглашала квалифицированные кадры из Америки и Европы; параллельно эти кадры обучали местное население новым специальностям, технологиям и т. п. А когда на заводы пришли почти исключительно местные кадры, проект во многих странах не только не принес никакой прибыли, но начал приносить весьма ощутимые убытки. Тогда фирма IBM и объявила тендер на исследование причин этого провала и поиск путей выхода из создавшегося положения.

в каждой из четырех сфер (труд, образование, семья и политика), выделенных им для анализа в разных обществах (в 47 странах, попавших в зону влияния и интереса IBM). Затем разработал оригинальные тесты для изучения конфигурации ценностей. По этим тестам опросил работников предприятий IBM в разных странах и на основании результатов опроса сконструировал обобщенные индексы ценностей, тем самым корректно осуществив очень непростой (и в методологическом, и в методическом отношении) переход от данных, описывающих *реакции индивидов*, к данным, описывающим *доминанты групповых ценностей*. В дальнейшем он работал исключительно с обобщенными индексами.

Все это подробно описано в книге Г. Хофстеде “Cultures and Organizations: Software of the mind” [19]¹⁰, которая в середине 1980-х гг. стала социологическим бестселлером, прежде всего в странах Восточной Европы. Чуть позже об этой книге появились публикации и в отечественных социологических журналах [7; 15; 18].

Основой для интерпретации и выводов автору служили точечные графики, где в пространстве интересующих его переменных (ценностей) выделялись определенные кластеры обследованных стран. Главная причина конфликтов, как установил Хофстеде, — это рассогласование повседневных ценностных структур культуры. В странах, которые входили в один кластер, причины неудач IBM оказались очень схожими, но отличными от причин, характерных для стран из других кластеров. Хофстеде называет это различиями в программировании сознания, но можно сказать иначе — это различия в структуре повседневной культуры, или просто различия повседневностей разных стран.

Ленинградское исследование 1974 года и исследование Г. Хофстеде имеют, на мой взгляд, много общего и свидетельствуют прежде всего о культурной основе повседневности (культурной, в смысле Г. Хофстеде). Но также это свидетельство того, что повседневность можно и нужно изучать — и вполне эффективно, — если операционализировать это понятие, если разобраться в природе и структуре стоящего за ним явления, а не заикливаться на его обычности, незамечаемости и трудностях фиксации.

Практики

Другое, столь же популярное сегодня понятие «практика (практики)» пока не удостоилось многочисленных словарных определений.

¹⁰ Начиная с 2003 года, эта книга неоднократно переведена на датский, немецкий, финский, эстонский, румынский, болгарский, словенский, французский, японский и другие языки мира. 3-е издание в Америке, исправленное и дополненное, вышло в 2010 г.

В словарях найдем аристотелевское *praxis* или марксово «практика — критерий истины». И в том и в другом случае слово практика обозначает всю нашу реальную жизнь, которая всегда конкретна и противостоит абстрагирующей (и абстрактной) науке. Практика в вышеназванном смысле — всегда права, тогда как наука может ошибаться, заблуждаться и т. п. П. Бурдьё одним из первых заговорил о «теории практик», а отечественные социологи В. Волков и О. Хархордин именно так назвали книгу, вышедшую в свет в 2008 году.

Авторы противопоставили позицию Давида Юма, считавшего, что «мышление или действие “по привычке” — это не только первое, но и наиболее консервативное понимание практики — дает возможность действовать, не прибегая к философским, логическим, моральным или иным обоснованиям» [5, с. 13] позиции Витгенштейна, по мнению которого, практика, или «форма жизни», задает условия *осмысленности повседневного языка*. «Это открытие Витгенштейна, а именно — что язык в действительности функционирует лишь на фоне всей совокупности практик, принятых в данной культуре, задавало один из основных способов помыслить практику», — отмечают Волков и Хархордин [5, с. 13].

Отнюдь не случайно речь здесь идет о культуре, ибо практика (практики) — один из важных элементов (или механизмов) формирования, трансформации и функционирования культуры. Если тот или иной способ действия не входит в культуру как нормальное, привычное, поддерживаемое определенными группами населения, то и к повседневности он, на наш взгляд, не имеет отношения.

Авторы выделяют два способа понимания практик — «как фонового (не эксплицированного) знания и умения и как конкретной деятельности, соединяющей слова и действия (“языковая игра”)...» [5, с. 14]. Правда, со ссылкой на Мишеля де Серто они отмечают, что «с другой стороны, этнометодологические исследования берут в качестве основного объекта исследований повседневную практику и в ином её понимании: как *искусство решения практических задач в ситуации неопределенности* [курсив мой. — О.Б.]» [5, с. 15]. А затем следует, на мой взгляд, совершенно необоснованный и убивающий эту ценную мысль вывод: «...практика — это все, что мы делаем» [5, с. 15].

Уже здесь много странностей. Вполне возможно, что эти странности — факт моей биографии и моего (и только моего) восприятия. Если практики есть «фоновое (не эксплицированное) *знание*» [курсив мой. — О.Б.], то такое понимание фактически отождествляет «практики» и «повседневность», и тогда зачем вообще нужно первое понятие? И, наконец, стоит ли сводить смысл понятия «практики» к способу соединения «слова и действия». Это особенно странно, если учесть, что речь (слово) тоже является разновидностью социального действия. Источники этих странностей авторами явно обозначены: с

одной стороны, — это апологетически воспринятая этнометодология; а с другой — философия языка. Конечно, философия языка и этнометодология (да и социология действия) имеют отношение к социальной реальности, но, тем не менее, это совершенно разные вещи, и вряд ли стоит их сводить друг к другу или противопоставлять напрямую.

Следующее утверждение также представляется весьма значимым и симптоматичным: «...теоретическая рефлексия ученого является одним из возможных, но не единственным способом познания, который к тому же сам основан на практических навыках, традиции и процедурах абстрагирования от личностной вовлеченности как ученого, так и исследуемого объекта. Отсюда выводится два следствия: во-первых, необходимость замены объяснения детальным этнографическим описанием, не привносящим теоретических или идеологических категорий в исследуемые явления, и, во-вторых, обращение к так называемой “повседневности”, т. е. к типичным, рутинным, не проблематичным и поэтому не замечаемым действиям, составляющим основную [но отнюдь не всю. — О.Б.] часть социальной жизни» [5, с. 17].

Итак, «необходимость замены объяснения детальным этнографическим описанием» вызвана задачей «абстрагирования от личностной вовлеченности»? Но это проблема этики ученого, его научной добросовестности и профессиональной квалификации. Против идеологических категорий в научных построениях более ста лет назад категорически выступал Э. Дюркгейм. Но чем этнометодологам не угодило использование теоретических категорий, которые надо заменять этнографическим описанием? Тем более что это чистая декларация — они (и этнометодологи, и сторонники так называемых мягких качественных методов) так или иначе пользуются теоретическими категориями. А куда без них в науке, если это все-таки наука?

Создается впечатление, что за понятием «практика» не стоит какой-либо самостоятельной сущности. И все-таки... Если под этим понимать новые формы поведения, принимающие массовый (пусть и ограниченный) характер, то это понятие и по объему, и по содержанию существенно отличается от понятия «повседневность». Последнее, как мы видели, включает в себя лишь обычное, рутинное, повторяющееся, вписанное в культуру и неотрывное от неё, а «практика» (в нашем понимании — *способ адаптации к изменившимся условиям, или способ преобразования самих условий жизни*) как *«искусство решения практических задач в ситуации неопределенности»* [5, с. 15] открывает некоторые перспективы для появления чего-то иного, для реального выхода за пределы монотонной повседневности. Более того, именно практики (в нашем понимании) порождают изменения в культуре (правда, не всегда позитивные).

С этой позиции представляются целесообразными и эвристичными рассмотрение, операционализация и использование понятия

«практика» [1; 2]. В качестве аргумента можно привести примеры использования его в языке (столь значимом для постмодернистов и этнометодологов). В частности, *практические занятия* в школе (включая высшие учебные заведения) и собственно практика студентов (педагогическая, профессиональная и т. п.) означают такие занятия (действия), в результате которых *вырабатываются и закрепляются* практические навыки деятельности, которые затем естественным образом принимают вид рутины (во всяком случае, должны стать не просто привычными, но доведенными до автоматизма).

Другой пример. По отношению лишь к двум профессиям осмысленно применяется прилагательное «практикующий»: практикующий врач и практикующий юрист. Этим подчеркивается, что представители этих профессий, как правило, работают в ситуациях неопределенности: первый имеет дело непосредственно с лечением людей, а второй — с решением конкретных и актуальных для людей юридических вопросов. Каждый конкретный пациент (клиент) являет собой уникальный случай, сочетание уникальных обстоятельств и, стало быть, содержит известную меру неопределенности, не допускающую использования только стандартных приемов (или стандартного их сочетания).

Учителя, равно как и ученого, можно назвать новатором, талантом, но как-то не поворачивается язык сказать «практикующий учитель» или «практикующий ученый». Специфика их деятельности не та: учитель несет учащимся *устоявшиеся* знания, умения, навыки; ученый же занят получением *нового* знания или *разработкой способов, в том числе и новых, его (знания) практического применения.*

Причем здесь коммуникация?

И авторы книги «Теория практик», и цитируемый ими французский философ, историк и культуролог Мишель де Серто, говоря о повседневности и повседневных практиках, постоянно апеллируют к языку, речи и коммуникации. Это нынче тоже очень модно — рассматривать любое социальное взаимодействие (и даже общество в целом) как коммуникацию.

Интерпретация обмена информацией (коммуникации) как определенного социального действия во многом способствовала более глубокому пониманию человеческого поведения (действия). Именно социология массовой коммуникации с её интересом к эффектам коммуникативного воздействия привела исследователей к осознанию: дело не только в том, *что* сообщается (передается) по каналам коммуникации, но в том, *как считывается* потребителем то или иное сообщение. В частности, этим обусловлен и повышенный интерес к индивиду, который считывает сообщения. Открытием социологов, изучавших коммуникативный процесс, было то, что каждый реципиент из конкретного сообщения вычитывает что-то свое, часто отличающееся

от замышленного коммуникатором. Однако это замечательное наблюдение задолго до его открытия было отражено в фольклоре¹¹.

Еще в застойное время один известный советский социальный психолог призывал коллег разрабатывать методы, которые позволили бы надежно фиксировать, что думают обычные люди, когда читают газеты, слушают радио или смотрят телевизор. Об этом же не только мечтал, но и попытался создать соответствующий метод де Серто. Он считал, что «использование должно быть проанализировано само по себе» [13, с. 105].

Мишель де Серто в своей книге не претендует на открытие, а рисует глубокую ретроспективу обращения к языку и речи в современных науках о человеке и обществе. Конечно, и язык, и речь есть разновидность поведения (если угодно, — практик). Но практики говорения и письма — лишь частичная (и очень узкая, специфическая) модель повседневности. Вне языка и речи — огромное поле того, что они отображают, описывают и означают. Язык — это мощный инструмент освоения (и познания) окружающего нас мира, однако всего лишь инструмент, имеющий свое — хотя и объемное, но все-таки ограниченное — пространство применения.

Что же касается повседневного языка, то он как раз обесмысливает, ритуализует (оповседневнивает) речь и, в частности, многие слова, ранее имевшие вполне определенный смысл. Взять хотя бы традиционные приветствия или прощания. Когда-то слово «здравствуй» имело смысл пожелания здоровья и выражения доброго отношения к встреченному. Ныне на смену ему в повседневной речи приходит невнятное «здрассте» или «привет», иноязычное — «хай». Вместо «до свидания» мы чаще употребляем другие (вполне бессмысленные) слова: «пока-пока», просто «пока», «будь» или, опять же, заимствованное «бай-бай» или просто «бай». И только в детективных сериалах следователи, обращаясь к подозреваемому, многозначительно употребляют слово «до свидания» в его исконном смысле — «еще увидимся». Повседневная речь полна сорняков: «как бы», «типа» (или «типо»), «так сказать», короче» и т. п. Сплошь и рядом можно услышать: «подходит ко мне, ну, типа мужик». И это не арго какой-либо субкультуры, это самая что ни на есть распространенная повседневная речь.

И сам де Серто, и некоторые его восторженные рецензенты [16] не обращают внимания на то, что масштабный проект, предпринятый для того, чтобы понять, как люди «делают повседневность», просто

¹¹ Вот пример подобного фольклора:

- Представляешь, на днях ездил в Бердичев и на трамвайной остановке встретил... в жизни не догадаешься кого... Карла Маркса.
- Что ты говоришь? Неужели в Бердичеве таки пустили трамвай?

провалился не только с точки зрения заказчика (правительства Франции), но и по существу. Потому, что люди не «делают повседневность», а просто живут в ней, складывающейся спонтанно и естественно.

Люс Жиар — одна из участниц проекта и автор предисловия к книге де Серто — так характеризует этот проект: «Критическое прочтение “сценариев будущего” и грандиозных проектов “системки”, которые, как предполагается, должны навести порядок в описании настоящего и дать возможность предвидеть будущее, окажется разочаровывающим, концептуально бедным, излишне многословным и переполненным скрытой риторикой, так что заявленное исследование так и не будет осуществлено. К счастью, тем временем ветер переменится и Главное управление по научным исследованиям и технологическому развитию (заказчик проекта) перестанет верить в значимость *этого милого вздора* [курсив мой. — О.Б.]» [8].

Сама идея, что люди «делают повседневность», что они здесь и сейчас (полагается — сознательно) конструируют социальную действительность, представляется весьма и весьма сомнительной. Любой план, даже самый, казалось бы, совершенный, имеет большой риск получить непредвиденные эффекты.

Впрочем, это хорошо понимает и говорит об этом сам де Серто. В его книге есть идеи отнюдь не новые, но заслуживающие серьезного внимания. Во-первых, о непредсказуемости и не непреложности порядков, устанавливаемых «сильными»; во-вторых, о том, что «слабые» находят много способов, даже принимая эти порядки, как бы соглашаясь с ними, не то чтобы сопротивляться им, но жить так, как они привыкли (т. е. оставаться в рамках своей повседневности). За примерами не надо ездить в далекие Бразилию, Чили или Аргентину [13, с. 81]. Например, почти все правительственные мероприятия по борьбе с пьянством в нашей стране не приводят к сколько-нибудь положительному результату: пьющие (прямо по де Серто) всегда находят лазейки, уловки, способы и приемы, чтобы не менять своих коренных привычек и потребностей (сиречь — повседневности).

Другая идея де Серто состоит в том, что потребление и использование — вещи разные. Действительно, *потребление* органично вписывается в рутинную повседневность, *использование* же иногда становится выходом за пределы повседневности, то есть «практикой» — способом «решения практических задач в ситуации неопределенности». Но и эта идея не нова.

Может оказаться плодотворной также идея описания практик в терминах *стратегии* и *тактики*, например, как одно из оснований их (практик) типологии. Но здесь де Серто «подвело» увлечение «военной терминологией», сводящее «не замечаемую», подспудную повседневность к борьбе и сопротивлению. А ведь грандиозный проект

де Серто как раз и состоял в том, чтобы эксплицировать именно то, что не замечается, чтобы ее (повседневность) можно было прогнозировать. Впрочем, сама по себе мысль о «прогнозировании» повседневности на первый взгляд также кажется весьма абсурдной, ибо повседневность инерционна, устойчива, малоподвижна, слабо восприимчива к изменениям и к новому. Не меняется повседневность одним махом, чтобы ее изменить, нужна огромная (и тоже непредсказуемая по результатам) работа по изменению условий жизни, культурных норм и разделяемых людьми ценностей.

И все-таки задумка де Серто относительно прогнозирования повседневности отнюдь не так бессмысленна, как это может показаться. Но для прогнозирования повседневности, на мой взгляд, не надо «упираться» в саму повседневность, но стоит более внимательно исследовать условия жизни людей, определяющие характер повседневности. За примерами далеко ходить не надо. Кардинально изменило повседневность многих и многих людей внедрение компьютерной техники и мобильной (беспроводной) связи. А что уж говорить о переходе от пешего передвижения к конному, а затем железнодорожному, автомобильному и авиационному — это цепь революций (без кавычек)¹².

Жизнь (в том числе её рутинная часть — повседневность) полна неожиданностей. С ними каждый из нас время от времени встречается. Большинство из этих неожиданностей преходящи, и лишь немногие вызывают серьезные (кардинальные) изменения нашей повседневной жизни. Но даже краткосрочные «отклонения» от обычности требуют включения сознания — а как иначе скорректировать поведение?

Вопрос в том, как отделить новое поведение или его новые формы («практики») от старого или старых.

Новое — это то:

– чего еще *ранее не было*

– что относительно недавно *получило распространение*, освоено (используется, применяется) некоторым (статистически значимым) количеством людей; а также то

– что *получило название* «нового», хотя — не факт, что оно таковым является, например «новые русские» или «новые бедные».

Уместно вспомнить и пушкинские строки «Здравствуй, племя младое, незнакомое!». И действительно, незнакомое — тоже новое (для кого-то).

Второе определение в этом перечислении представляется наиболее адекватным для социологического анализа действительности в

¹² Кстати, еще при создании многих, например, технических новшеств вполне возможно, а подчас даже необходимо подумать о том, как это новшество может повлиять на повседневное поведение людей (то есть попытаться прогнозировать эти изменения).

целом и форм поведения, в частности. Новые формы поведения, как правило, являются способом и результатом разрешения тех неожиданных ситуаций, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. Новые формы поведения не появляются ни с того ни с сего: это — всегда реакция на изменившиеся (и в этом смысле — новые) социальные (или жизненные) ситуации.

Рассматривая механизмы возникновения и становления практик, понимаемых именно в описанном выше смысле, мы предприняли попытку операционализации понятия «практики» и связывали их с реакциями *индивида* (индивидов) на изменившиеся (или «неудобные») жизненные ситуации [1, с. 132]. При описании структурных элементов практик мы еще раз убедились, что практики — явление не столько индивидуальное, сколько коллективное [1, с. 135]. Многие практики требуют подключения других людей (обращения к ним, и даже использование их без их ведома). Затем мы более подробно рассмотрели и также попытались операционализировать (выявить структуру) понятие социальной ситуации [2], вызывающей к жизни новые практики.

Напомним, в нашем понимании практика как способ приспособления (адаптации) к изменившейся ситуации — это относительно новая форма поведения, прежде всего для самого «практикующего» индивида. Поскольку «практики» могут заимствоваться и передаваться, социологически можно надежно и корректно констатировать появление той или иной «новой» практики, когда ею овладело некоторое статистически значимое количество индивидов, когда эта практика приобрела *социально значимый характер*, когда общество уже не может «не заметить» её. Под влиянием этой практики возможно существенное изменение и самой социальной ситуации, вплоть до принятия законов, легализующих ранее законодательно не обеспеченные формы поведения людей. В качестве примера еще раз используем отсылку к детально описанному массовому движению «челноков» в 90-е годы прошлого века [9].

Возможно, что понятие «практика (практики)» представляется не более предпочтительным по сравнению с понятием «новые формы поведения». Но, во-первых, оно не персонифицировано; а во-вторых, — не «безразмерно» (это не «все, что делают люди»), а характеризует лишь более или менее устойчивые и распространенные (или распространяющиеся) способы адаптации к изменяющейся действительности. Не буду навязывать в качестве понятия именно слово «практики», но буду настаивать на том смысле, который я пытался вложить в него в статьях на эту тему¹³. Вполне возможно, что это не самое удачное слово, но другого пока не придумалось.

¹³ К тому же слова практика (практики) сегодня у всех на слуху, активно используется и, по-видимому, чем-то привлекает; может быть тем, что впервые было «вброшено» признанными западными классиками.

Заключение

Обращение к таким понятиям, как повседневность (не рефлекслируемая обычность, привычность), а также практики (то есть новые осознаваемые, *становящиеся* формы поведения) и разведение этих понятий представляется вполне перспективным и необходимым для углубления содержания концепций и теорий самой социологической науки, для более глубокого познания общества как целостного образования.

Современная социология сформировалась скорее как эмпирическая, нежели теоретическая дисциплина. Странники и количественных, и качественных методов свои концептуальные построения возводят и проверяют на основе эмпирических данных, которые получают, исследуя людей. А так как многие люди не способны к развитой рефлексии и обладают относительно небольшим словарным запасом¹⁴, вопросы необходимо задавать на доступном и понятном им языке, если угодно, на языке повседневности. Но для получения социологически осмысленных выводов, вписывающихся в ту или иную теоретическую концепцию, это невозможно без тщательной операционализации (то есть перевода теоретических понятий на общедоступный русский язык).

Кстати, чтобы понять, насколько распространены и в каких группах и слоях населения те или иные типы повседневности и/или новые формы поведения (практики), методы типа case study оказываются неэффективными, здесь необходимо использовать именно традиционные, количественные методы.

Но предварительно сами эти понятия, необходимо ввести в научный оборот не как метафоры с «плавающим» смыслом, но как научные термины, обладающие не «метафорическим», а категориальным содержанием, отражающим определенный объем явлений реального мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божков О.Б. Возможности социальных изменений: о применении «теории практик» // Петербургская социология сегодня. Сборник трудов Социологического института РАН, СПб.: Нестор-История, 2010. С. 199–219.
2. Божков О.Б., Игнатова С.Н. Опыт построения типологии сельских образовательных практик // Петербургская социология сегодня. Сборник трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2011, С. 128–161.

¹⁴ Лингвисты обращают внимание на то обстоятельство, что актуальные индивидуальные словари (активный словарный запас) в последние годы существенно сокращаются. Так, если во времена Пушкина активный словарь образованного человека составлял порядка 6–7 тысяч слов, то ныне он насчитывает чуть более 3-х, реже — 4-х тысяч слов.

3. *Блумер Г.* Коллективное поведение / Пер. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль: Тексты / Сост. Е.И. Кравченко; Под ред. В.И. Добренко. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 90–115. [Пер. с: Blumer H. *Collective Behavior*. Chapt. XIX–XXII // *New Outline of the Principles of Sociology*. N.Y., 1951. P. 167–221.]
4. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Лекция 1. Переосмысливая материальную и экономическую жизнь [электронный ресурс]. Дата обращения: 16.02.2014. URL: <<http://orel.rsl.ru/nettext/foretgn/broudel/lekts1.htm>>.
5. *Волков В., Хархордин О.* Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с.
6. *Ворончук И.А., Чубик Ю.И.* История повседневности как научная проблема [электронный ресурс]. Дата обращения: 10.02.2014. URL: <<http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/4177-istorija-povsjakdennosti-jak-naukova-problema.html>>.
7. *Дубицкая В.Н., Тарарухина М.Ю.* Быть ли России Америкой? Российское исследование управленческой культуры по методике Герта Хофстеде // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 42–65.
8. *Жиар Л.* История одного исследования // Серто М. де Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 10–34.
9. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / Под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010. — 388 с.
10. *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М.: Канон плюс, 2004. — 436 с.
11. *Королев С.А.* Повседневность и власть: в поисках социально-философской методологии // Философия и культура. 2008. № 3. С. 22–33.
12. *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. — 320 с.
13. *Серто М. де* Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 330 с.
14. *Смирнов С.* Образование человека в структурах повседневности [электронный ресурс]. Дата обращения: 16.02.2014. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/smirnov_sersei_alevtinovich/?library=1378>.
15. *Солодовников В.В.* Личность и культура, что причина, а что следствие // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 5–8.
16. *Степанов М.* Поэтика изобретения // Электронное издание «Международный журнал исследований культуры». 2013. № 3 (12): Границы субъективности. С. 157–160. [электронный ресурс]. Дата обращения: 19.12.2014. URL: <http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2013/IJCR_03%2812%29_2013.pdf>.
17. *Сыров В.Н.* О статусе и структуре повседневности (Методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Спец. выпуск. С. 147–159.
18. *Хофстеде Г., Маккрэя Р.Р.* Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 9–41.

19. Hofstede G., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. Revised and expanded 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. — 550 p.

Дата поступления: 14.03.2014.

O.B. BOZKOV

EVERYDAY LIFE AND PRACTICES:

TOWARDS CLARIFICATION OF THE SOCIOLOGICAL SENSE OF NOTIONS

Bozkov Oleg Borisovich — Senior Researcher, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences. **Address:** Krasnoarmeyskaya st., 25/14, St. Petersburg, Russian Federation 190005. **Phone:** +7 (921) 946-99-75. **Email:** olegbozh@gmail.com

Abstract. The essay examines the content and heuristic potential of “everyday life” and “practices” notions. Phenomena of everyday life and practice are the subjects of humanities, such as sociology, anthropology, philosophy, and cultural studies. However, each scientific language reflects peculiar to its language and subject meaning with the help of these notions. The author attempts to clarify the content of these notions in language of sociology.

For this reason, interest to everyday life is considered in historic science, cultural studies, and philosophy. The position of sociologist is formulated in terms of the notion of “everyday life”, and related notions of “way of life”, “lifestyle”, etc. The author gives an example of studies from the 70s, where everyday life was the subject, though the word itself was not used.

Next section of the essay contains the analysis of another notion “practices”, which is fancy, but not successful. Polemics with the authors of *Theory of practices* and Michel de Certeau (*The practice of everyday life. Arts de Faire*) contributes relationships between the analyzed notions. In conclusion, the author resumes undoubted importance studies of considered social phenomena. Qualitative as well as quantitative approaches are relevant for the research. However, success of these studies needs the notions not as metaphors with “floating” meaning, but as scientific terms with categorial content, reflecting certain volume of phenomena from the real world.

Key words: everyday life, new forms of behaviour, routine, practices, notions, word, theoretical analysis, language of science.

REFERENCES

1. Bozhkov O.B. *Vozможности social'nyh izmenenij: o primeneniі «teorii praktik»*. Peterburgskaja sociologija segodnja. Sbornik trudov Sociologicheskogo instituta RAN, St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2010. S. 199–219. (In Russ.)
2. Bozhkov O.B., Ignatova S.N. *Opyt postroenija tipologii sel'skih obrazovatel'nyh praktik*. Peterburgskaja sociologija segodnja. Sbornik trudov Sociologicheskogo instituta RAN. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2011, S. 128–161. (In Russ.)
3. Blumer G. *Kollektivnoe povedenie*. [Per. D. Vodotynskogo]. Amerikanskaja sociologicheskaja mysl': Teksty. [Sost. E.I. Kravchenko; Pod red. V.I. Dobren'kova]. Moskva: Izd-vo MGU, 1994. S. 90–115. [From: Blumer H. *Collective Behavior*. Chapt. XIX–XXII. New Outline of the Principles of Sociology. N.Y., 1951. P. 167–221.] (In Russ.)
4. Brodel' F. *Dinamika kapitalizma. Lekcija 1. Pereosmyslivaja material'nuju i jekonomiceskiju zhizn'* [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija: 16.02.2014. URL: <<http://orel.rsl.ru/nettext/foretgn/broudel/lekt1.htm>>. (In Russ.)
5. Volkov V., Harhordin O. *Teorija praktik*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. — 298 s. (In Russ.)
6. Voronchuk I.A., Chubik Ju.I. *Istorija povsednevnosti kak nauchnaja problema* [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija: 10.02.2014. URL: <<http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/4177-istorija-povsjakdenosti-jak-naukova-problema.html>>. (In Russ.)

7. Dubickaja V.N., Tararuhina M.Ju. *Byt' li Rossii Amerikoj? Rossijskoe issledovanie upravlencheskoj kul'tury po metodike Gerta Hofstede*. Sociologicheskij zhurnal. 2010. No. 4. S. 42–65. (In Russ.)
8. Zhiar L. *Istorija odnogo issledovanija*. Serto M. de Izobrenenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'. [Per. s fr. D. Kalugina, N. Movninoj]. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. S. 10–34. (In Russ.)
9. Kak ljudi delajut sebja. Obychnye rossijane v neobychnyh obstojatel'stvah: Konceptual'noe osmyslenie vos'mi nabljudavshijsja sluchaev. [Pod obshh. red. V.A. Jadova, E.N. Danilovoj, K. Kleman]. Moskva: Logos, 2010. — 388 s. (In Russ.)
10. Kasavin I.T., Shhavelev S.P. *Analiz povsednevnosti*. Moskva: Kanon pljus, 2004. — 436 s. (In Russ.)
11. Korolev S.A. *Povsednevnost' i vlast': v poiskah social'no-filosofskoj metodologii*. Filosofija i kul'tura. 2008. No. 3. S. 22–33. (In Russ.)
12. Leleko V.D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropejskoj kul'ture*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2002. — 320 s. (In Russ.)
13. Serto M. de *Izobrenenie povsednevnosti*. Iskusstvo delat'. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. — 330 s. (In Russ.)
14. Smirnov S. *Obrazovanie cheloveka v strukturah povsednevnosti* [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija: 16.02.2014. URL: http://www.archipelag.ru/authors/smirnov_sergeri_alevtinovich/?library=1378. (In Russ.)
15. Solodovnikov V.V. *Lichnost' i kul'tura, chto prichina, a chto sledstvie*. Sociologicheskij zhurnal. 2010. No. 4. S. 5–8. (In Russ.)
16. Stepanov M. *Pojetika izobrenenija*. Jelektronnoe izdanie «Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury». 2013. No. 3 (12): Granicy sub#ektivnosti. S. 157–160. [jelektronnyj resurs]. Data obrashhenija: 19.12.2014. URL: http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2013/IJCR_03%2812%29_2013.pdf. (In Russ.)
17. Syrov V.N. *O statuse i strukture povsednevnosti (Metodologicheskie aspekty)*. Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo. 2000. T. 2. Spec. vypusk. S. 147–159. (In Russ.)
18. Hofstede G., Makkrejeja R.R. *Vozvrashhajas' k obsuzhdeniju lichnosti i kul'tury: svjaz' lichnostnyh chert i kul'turnyh oseb*. Sociologicheskij zhurnal. 2010. No. 4. S. 9–41. (In Russ.)
19. Hofstede G., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. Revised and expanded 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. — 550 p.

Received: 14.03.2014.